
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 316.32

ББК 60.52

DOI 10.22394/1682-2358-2020-5-74-84

L.N. Maximova, *Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

A.V. Fedorova, *Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

ONLINE ENVIRONMENT IN A PANDEMIC: COMMUNICATION AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH

Issues associated with changes in the familiar human physical environment, related to the 2020 pandemic are analyzed. It is proved that under the current conditions, a modern person is not ready for rather radical changes in the working, educational and communication environments. Studies to confirm the authorial analytical models are presented.

Key words and word-combinations: online space, communications, changes, risks, conflicts, people.

Л.Н. Максимова, *доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
(*email: larisa-maximova@yandex.ru*)

А.В. Федорова, *кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
(*email: 361955@bk.ru*)

ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: КОММУНИКАЦИОННЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Аннотация. Анализируются проблемы, связанные с изменениями привычного физического пространства человека в связи с пандемией – 2020. Доказывается, что в сложившихся условиях современный человек оказался не готов к достаточно радикальным переменам в рабочем, образовательном и коммуникационном пространствах. Представлены исследования, подтверждающие аналитические модели авторов.

Ключевые слова и словосочетания: онлайн пространство, коммуникации, изменения, риски, конфликты, человек.

Случившаяся с человечеством пандемия не оставила современному человеку выбора для определения пространства собственного существования [1, с. 33–54]. Само понятие «случившаяся пандемия» употребляется в этом контексте намеренно. С одной стороны, несомненно, «пандемия случилась с человеком» в том смысле, что она является следствием действий стран Европейского сообщества, ВОЗ, России, ее граждан. В этом ключе пандемия — совокупность объективных условий мирового масштаба [2, с. 178–208]. С другой стороны, пандемия представляет собой аналитический конструкт современной ситуации, то есть отрефлексированного, схваченного в акте рефлексии во временной перспективе набора источников, причин, условий и факторов политической, экономической, социальной, культурной и технологической жизни общества. С этой точки зрения пандемия составляет предмет и продукт сознания рефлексирующего субъекта [3, с. 102–104].

Ретроспектива событий, сопровождающих пандемию и карантин, необходима для понимания пространства повседневной реальности, на фоне которой конституировалось онлайн-пространство. Это стало возможным благодаря значительному развитию технологической сферы и принудительному характеру проявления онлайн-пространства. Оно благополучно существовало в форме фоновых практик жизненного пространства современного человека и служило в основном для развлечений, личного и профессионального перформанса, демонстрации статусности [4, с. 149]. Онлайн-пространство провоцировало акторов коммуникаций на игры с идеальными представлениями о жизненном пространстве и являло собой некоторую утопию жизненного пространства человека. Утопию, в которой нет места разочарованиям, тревогам, отчаянию, беспокойству, неуспеху, старости и смерти, а выбор человека может быть сколь угодно бесконечным. Современный человек может выбирать все, что только возможно выбрать. Открывающиеся «возможности» многообразны и доступны, заманчивы и легко реализуемы.

Жизненное пространство, напротив, сулило опасности, трудности и сложности. Априори признавалась доминирующая роль жизненного пространства. Если быть точнее, то оно каждый день отвоевывало и присваивало себе эту роль, преодолевая многочисленные конфликты между акторами. Жизненное пространство не признает игр, лжи и лицемерия, сравнений с идеалами и выстраивание логик жизненного пространства в соответствии с идеальными образцами и практиками. Оно масштабнее и сложнее любых утопий и антиутопий, оно связаннее и насыщеннее по собственной событийности и несомненно — намного напряженнее онлайн-пространства.

Представляется, что именно поэтому нерационально, может быть интуитивно, современный человек профессиональную деятельность локали-

зовал в жизненном пространстве практик и смыслов [5, с. 180–190]. Почему мы акцентируем внимание на профессиональной деятельности? Дело в том, что на протяжении жизни человек изменяет ведущую деятельность несколько раз. В раннем детском возрасте ведущей деятельностью является общение. На смену ему приходит игра, затем ее сменяет учебная деятельность, в дальнейшем — профессиональная. И жизнь человека завершается общением. Круг замкнулся: общение — игра — обучение — работа — общение.

Что такое ведущая деятельность? Это такой вид деятельности, которой человек на том или ином этапе жизненного пути посвящает себя целиком, 90% своего времени и сил он отдает этому занятию. Ведущая деятельность того или иного жизненного этапа способствует становлению человека, помогает ему перерасти себя. М.К. Мамардашвили в своих трудах часто упоминает о том, что жизнь человека — это усилие во времени. Можно отметить, что вид ведущей деятельности формирует темпоральность человека, которая оказывается связанной с жизненным пространством. Прослеживается определенная закономерность: чем напряженнее жизнь человека в жизненном пространстве, тем меньше сил и времени у него остается на освоение онлайн-пространства.

Подведем некоторый промежуточный итог данным умозаключениям. Во-первых, необходимо признать, что развитие технологической сферы и онлайн-пространстве невозможно остановить. Остается лишь принять риски и опасности этого развития, по возможности управлять ими, совершать усилие во времени, жить и коммуницировать. Во-вторых, общество оказалось не готово к такому развитию событий, к тому, что онлайн-пространство и онлайн-коммуникации настолько стремительно из фоновых практик трансформируются в практики передового плана [6, с. 298–343]. Мы не знаем, каким образом выстраивать личную и профессиональную жизнь в границах онлайн-пространства, и что, собственно, определяет эти границы? В-третьих, современный человек еще долго будет существовать и выстраивать коммуникации на границе двух миров, двух пространств: жизненного и виртуального (онлайн). Важно понимать, что эти пространства находятся в состоянии борьбы за человека, его внимание, время и ценности. Именно в такой последовательности, поскольку внимание определяет качество и количество того времени, которое затрачивается на событийность. Время, в свою очередь, детерминирует ценности, так как то, на что затрачивается больше времени, становится более ценным, важным соразмерно временному вкладу. В-четвертых, современному человеку необходимо научиться выходить из конфликта двух пространств: договариваться с собой, заключать соглашения с совестью. Звучит несколько нравоучительно, но сложность этого конфликта состоит в том, что он представляет собой конфликт ценностей и приоритетов [7, с. 147]. Чтобы выйти из этого конфликта, следует расставить

приоритеты и придерживаться сделанного выбора. Но и это еще далеко не все. Чтобы совершить выбор, необходимо задать себе вопрос «кто я?» и с этим «неудобным» вопросом действовать и коммуницировать.

Остановимся более подробно на ситуации выбора для современного человека. Можно ли формулировать таким образом: «выбор для...»? Полагаем, что выбор глубоко онтологичен по отношению к человеку, то есть он дан человеку как некая сущность, причем экзистенциальная, выбрасывающая его в неопределенность и высокие риски. Выбор всегда принудителен для человека, который придает ситуации выбора телеологичность, предметность и ценностно окрашивает его. Обратим внимание на то, что если до пандемии человек мог выбирать виртуальные коммуникации и жизнь в целом или «лицом к лицу» (личные), то пандемия поставила его перед необходимостью выживания в сложившихся обстоятельствах онлайн-пространства.

К таким изменениям оказался не готов как сам человек, так и пространство, специально для этого определенное. В онлайн-пространство было перемещено жизненное пространство человека и все его составляющие (работа, деловые отношения и коммуникации). Произошла решительная смена статуса онлайн-пространства, оно перестало выполнять главную, развлекательную функцию. Приоритетной задачей онлайн-пространства становится задача по выстраиванию эффективных деловых коммуникаций деловой сферы. Частными случаями коммуникаций онлайн-пространства стали коммуникации с коллегами и подчиненными: учитель — ученик, родитель — учитель, учитель и ученики, преподаватель — студенты, друзья — друзья, знакомые — знакомые. В онлайн-пространство были перемещены целые профессиональные сферы и соответствующие им деловые коммуникации. Оно стало коммуникационно перенасыщено.

В результате всех сложившихся необходимостей онлайн-пространство лишилось прежних люфтов-объективаций, позволяющих эффективно коммуницировать акторам этого пространства. Основное предназначение люфтов-объективаций заключается в том, что они предоставляют акторам возможность отдохнуть от непрерывного напряжения усилий коммуникационного пространства. Они содержат не только элемент отдохновения, но и творческого начала, новых смыслов, организации работ, новых ценностных оснований выбора: «я использую пространственные образы, чтобы указать на то, что нам нужно свободное пространство, чтобы думать, чтобы найти себя, определить общие цели» [8, с. 298]. В этой цитате раскрывается еще одна функция люфтов — коммуникационная, заключающаяся в том, чтобы быть сонастроенными на другого, на общие цели, задачи, ценности.

Плотность онлайн-пространства лишило современного человека тишины в коммуникациях, возможности остановки и рефлексии. Он стал

«пленником» деловой и личностной риторики. Произошло «забалтывание» важных смыслов и значений, отношений, взаимодействий из-за нехватки времени и сил: «Если я действую, не останавливаясь ни на минуту, если я страстно и яростно повторяю уже сказанное мною, я не останавлиюсь никогда. Я никогда не дам себе возможность понять что либо» [9, с. 360—361].

Кроме того, важно понимать, что онлайн-пространство отнюдь не монолитно. Оно содержит в сложной связанности множество разнообразных подпространств с соответствующими им смыслами, закономерностями развития, принципами, коммуникационными системами, темпоральностями, определяющими границы подпространств. Остановимся более подробно на деловых коммуникациях, концепте «работы» и «образования». В ситуации до-пандемии эти подпространства коммуникационно были различными по своим элементам, процессам, структурным характеристикам и функциональным направленностям. Деловые коммуникации объединяли и мотивировали, организовывали и помогали самоорганизоваться акторам в профессиональной сфере, помогали решать коллективные задачи, осуществлять планирование и контроль за деятельностью акторов. Структурные характеристики определялись особенностями формальных и неформальных организационно-управленческих конфигураций, информационными и финансовыми центрами и центрами принятия управленческих решений. Деловые коммуникации оказывались тесно связанными с процессами управления, распределения власти в организационном и межорганизационном поле, с нормами и требованиями организационной культуры, конфликтами и рисками внутри организационных и внешне организационных взаимодействий. В роли коммуникационных субъектов выступали субъекты управления (руководители и лидеры). В качестве объектов — персонал организаций, распределенный по уровням, отделам, неформальным и проектным группам. Каналами для коммуникаций служили рабочие телефоны, ксероксы, принтеры, локальные сети, факсы, рабочие электронные почты. Формами коммуникационных взаимодействий являлись совещания, конференции, планерки, деловые встречи и переговоры. Границы деловых коммуникаций определялись физическим пространством организационных взаимодействий, рабочим местом того или иного сотрудника и привычными маршрутами, которые каждый сотрудник выстраивал в течение дня. Деловые коммуникации были насыщены ритуальными каждодневными действиями и отношениями, которые начинались с подготовки к выходу на работу. Границы деловых коммуникаций были четкими и незыблемыми. Они зависели лишь от дисциплинированности работника и его способности «оставлять работу на работе», переключаться с рабочих вопросов на проблемы повседневной реальности.

Деловые коммуникации являлись составной частью концепта «работы», способности и возможности профессионально выполнять свои тру-

довые обязанности. Что такое профессионализм в современных условиях? С коммуникационной точки зрения он состоит из способности современного человека самоопределяться в каждой точке времени и пространства. Актеры должны возвращаться к процессам самоопределения достаточно часто. Точнее, возвращать себя в этот процесс рефлексивным и драматичным вопросом «кто я?», из которого вытекает следующий вопрос: «что я могу и должен делать?», который связан с вопросом «каких норм, правил и установок я придерживаюсь в своей деятельности?». Последовательно отвечая на поставленные вопросы, актер, самоопределяясь, находил себя в ролевой структуре системы деловых коммуникаций, определял собственные права, обязанности и ответственность, а также демонстрировал готовность принимать и увеличивать степень профессиональной ответственности.

Концепт «работы» предполагает наличие увлеченности и воли к самоопределению, способности согласовывать собственные цели, задачи и ценности с общими целями, задачами и ценностями, а также личностные устремления — с «ремеслом», которым актер хорошо владеет. На более глубинном уровне личностных смыслов концепт «работы» был связан с предназначением, самореализацией, раскрытием в акте творчества и воплощением этого предназначения актеров в той или иной профессиональной деятельности. Концепт «работы» предполагал непреодолимый конфликт между идеальными представлениями о работе и реальными формами воплощения этого концепта в конкретных обстоятельствах трудовой деятельности.

Концепт «образования» выступал в роли сервисного обеспечения концепта «работы» и деловых коммуникаций. Его основная функция — обеспечение эффективности благодаря совершенствованию и развитию. Чаще всего концепт «образования» занимал свою нишу в темпоральности свободного от работы времени. Наиболее распространенной формой организации концепта являлась стратегия самообразования, которое приобретали актеры в соответствии с личными и профессиональными интересами под свою ответственность и за свой счет. Если образование и самообразование становились по тем или иным причинам частью рабочего времени, то возникали конфликтные коммуникации на фоне рассогласованных интересов субъектов и объектов коммуникационных взаимодействий.

Что же изменилось в этой конфигурации после пандемии? Подпространства деловых коммуникаций стали более скомпрессированными по времени и затрачиваемым усилиям. Временная компрессия, с одной стороны, связана с насыщенностью событиями деловых коммуникаций, а с другой — появившейся способностью «свободно проявлять себя в работе». На преодоление временной компрессии стали затрачиваться колоссальные усилия, поскольку многие коммуникации конструировались заново, перестраивались существующие коммуникационные системы [10, с. 104].

Например, создавались группы и анклавов, новые коммуникационные площадки и конгломераты действий, новые системы языка, значений и смыслов [11]. Главным возникшим изменением стало исчезновение границ между деловыми коммуникациями, работой, образованием и коммуникациями повседневной реальности. Произошло микширование этих явлений, и современному человеку пришлось скорее принудительно, чем свободно, переоценивать пространство собственных действий и коммуникаций, себя и других в этом пространстве.

На личностном и профессиональном уровнях проявили себя латентные конфликты и риски. Например, конфликты в семье между супругами, супругами и детьми; в средствах массовой информации широко обсуждались вопросы насилия в семье. Конфликтными стали коммуникации и в деловой сфере, поскольку возникли и утвердились на фоне высоких рисков новые нормы, правила и ритуалы профессиональной деятельности. Новые требования к работнику, рабочему месту и способам организации работы носили довлеющий характер. По своим содержательным характеристикам они являлись инновациями. В стандартных условиях к ним необходимо поэтапно готовить сотрудников организаций. Образование и самообразование изменило собственный статус сервисного обеспечения профессиональной деятельности и стало элементом каждодневной рутинной трудовой деятельности акторов. Возникла ситуация, которую достаточно точно описал М.К. Мамардашвили: «Что же мы наблюдаем в поле социальной или человеческой деятельности? Мы несвободны. Это означает, что если я захочу сделать что-то, поле моей деятельности еще до начала самой деятельности уже структурировано чем-то, не имеющим ничего общего ни с сутью, ни с направлением деятельности» [9, с. 352]. Произошло увеличение дистанции между акторами в коммуникациях. Появилась новая конфигурация. Отобразим ее схематично следующим образом.

Онлайн-пространство лишило человека приватности, которую давало физическое пространство деловых коммуникаций, работы и образования [12, с. 319–323]. Физическое пространство отличалось достаточно четкими границами и иерархичностью. В этой иерархии, связанной с формированием, работа выполняла доминирующие функции, деловые коммуникации и образование обеспечивали эффективность рабочего процесса. Личные коммуникации были прерогативой свободного от работы времени. Фактически сеть поглотила иерархию. Физическое пространство схлопнулось, можно сказать, что произошло коллапсирование физического пространства. Отчасти это объясняется основными свойствами сети: бесконечностью в смысле пространственного и временного распространения, гибкостью, наличием горизонтальных связей и многочисленных узлов — центров принятия решения и осуществления властных полномочий. Горизонтальность сети позволяет ей конфигурироваться, переконфигурироваться и реконфигурироваться. Этими способностями сеть

напоминает живые организмы. Она может воспроизводить саму себя в случае необходимости, изменять расположения узлов связей и отношений, перестраивать тип сетевой организации.

Когда сферы личных коммуникаций сплелись с деловыми коммуникациями, в любой момент человек оказался открыт для делового контента, сложного и проблемно ориентированного. Человек был вынужден развить способность быстрого переключения между контентом и стремительного реагирования на знакомые или незнакомые противоречия профессиональной деятельности. Человек стал коммуникационно публичен. Содержательно возникает новый тип публичности — сетевой. Отличительными чертами сетевой публичности становится следующее: низкий уровень самоопределения и самодостаточности акторов, личной и профессиональной ответственности, длинная дистанция между акторами коммуникационных систем, повышение уровня и степени рисков, а также конфликтогенности.

Все оказалось связанным со всем в любой точке времени и пространства. Работа пронизала все пространства и темпоральности современного человека. Выполнять ее оказалось сложнее по причине многочисленных изменений и инноваций. При этом фактически отсутствовали периоды стабилизации приобретенных навыков. Человек стал бороться за прежние, сложившиеся практики и формы. Отчасти это произошло по причине невероятной инертности, отчасти из-за осознания ценности физического пространства с присущими ему основными принципами и закономерностями развития. Следовательно, можно сделать вывод, что коммуникации онлайн-пространства перестали выполнять функции «окон», сквозь которые виден мир и другие акторы. Когда смотришь в эти «окна», лучше узнаешь и понимаешь себя, именно через мир и через другого. В этом смысле «окна» предьявляют нам себя. И непременным условием этого узнавания являются коммуникации «лицом к лицу», в которых находят отражение эмоции, отношения, ожидания, тактильные ощущения, невербалика. Коммуникации онлайн-пространства — это «зеркала» вместо «окон». И в этих зеркалах видишь не себя, а некоторый идеальный образ, в результате возникает ключевой вопрос: «что нам с этим знанием делать?»

Изложенное подтверждается результатами проведенного пилотажного исследования. Опрошены студенты Поволжского института управления разных направлений подготовки. Были заданы открытые вопросы: какие изменения происходят с коммуникациями в онлайн-пространстве, какие изменения происходят с человеком в онлайн-пространстве, какие коммуникации вы считаете эффективными коммуникациями, какие коммуникации бы вы выбрали: «лицом к лицу» или онлайн?

Ответы респондентов распределились следующим образом. За то, что информация стала более доступной в процессе активного использования

онлайн-пространства для образования, высказались 17,9%. Под «доступностью» подразумевалась возможность получать информацию в полном объеме, конкретность получаемой информации, поскольку письменная речь накладывает больше ответственности на использование тех или иных понятий, наличие четких алгоритмов действий и системная подача информации (структурирована, «разложена по полочкам»). Респонденты отметили, что приходилось работать с большими массивами информации (10,3%). Благодаря онлайн-коммуникациям «увеличилось количество манипуляций людьми и информационными блоками» (12,8%). При этом личное общение, по мнению опрошенных, отошло на второй план (15,4%). Основные названные причины: «отсутствие времени», «недостаток физических и психических сил» и «накапливающаяся к концу дня усталость от онлайн-пространства». 7,7% отметили, что в онлайн-пространстве «отсутствуют защиты от вредных технологий». 33,3% опрошенных ответили, что не хватает физического контакта и тактильных ощущений, а сами коммуникации стали «опосредованными» (25,6%). Коммуникации в онлайн-пространстве стали неэффективными с точки зрения достижения желаемых результатов (28,2%); коммуникации в онлайн-пространстве «более четкие и очевидные» (17,9%); они «объединяют» (20,5%). 10,3% студентов отметили, что коммуникации стали сложнее, а 15,4% — напротив, обратили внимание на «упрощение коммуникационных взаимодействий». 12,8% по результатам опроса решили, что коммуникации онлайн-пространства по сравнению с коммуникациями «лицом к лицу» быстрее, удобнее и комфортнее. Они «существуют вне географических границ» (17,9%).

Полагаем, что этим обстоятельством объясняется удобство и комфортность коммуникаций онлайн-пространства. 7,7% ответили, что коммуникации «направлены на обучение и развитие». 10,3% опрошенных упомянули про недопонимание и конфликты и столько же (10,3%) респондентов ответили, что онлайн-пространство позволяет легко контролировать коммуникации, акторов и направлять их в нужное русло. При этом подразумевался в большей степени внешний контроль. Эти цифры интересны тем, что онлайн-пространство как разновидность сети, напротив, позволяет запускать процессы самоорганизации, внутренний локус контроля личности.

Таким образом, видим, что наибольшие значения пришлись на смысловые блоки «не хватает физического контакта и тактильных ощущений» — 33,3% опрошенных. На второй позиции — «неэффективные» (28,2%). На третьем месте — «опосредованные» (25,6%). Первые две позиции носят субъективный характер, а последняя — объективный, то есть происходит, на наш взгляд, констатация общеизвестных фактов.

Ответы на второй вопрос, «какие изменения происходят с человеком в онлайн-пространстве?», распределились следующим образом: 41,0% рес-

респондентов отмечают, что человек «стал более адаптивным к изменениям», при этом у него «страдает устная речь, язык и невербалика» (41,0%); его деятельность направлена на «творчество, развитие и обучение» (35,9%). Онлайн-пространство способствует тому, что человек «становится более организованным, активным и энергичным» (30,8%). Это отчасти, на наш взгляд, обусловлено процессами высвобождения времени и усилий, которые раньше затрачивались на физические контакты и присутствия, а также значительными ограничениями на встречи, личные и профессиональные контакты. Происходит «изменение стиля жизни» (28,2%). Человек «становится смелым и уверенным» (28,2%); у него появилась возможность «жить идеальной жизнью» (20,5%). Речь идет о том, что он может в онлайн-пространстве проявлять свой идеальный образ, демонстрировать его другим, скрывая все необходимые погрешности и недостатки реальной жизни. С другой стороны, проявляют себя зависимость и потери здоровья (15,4%); он способен «моментально обновляться» (12,8%) и становится «мобильным» (12,8%).

Респонденты под мобильностью понимали независимость от физических границ, когда есть возможность всем связаться со всеми в любой точке времени и пространства, реализовать поставленные цели и задачи, добиться желаемого результата. Возможность «обновления» респонденты связали со слабой исторической идентичностью. Здесь имеется в виду в первую очередь история личная и профессиональная. С другой стороны, человек становится «более замкнутым» (12,8%), «множественным» (10,3%). Проявляет себя «диссоциализация» (10,3%), «одиночество и недоверие к миру» (7,7%), «тревожность и раздражительность» (5,1%). Человек становится более «толерантным» (5,1%), «изменяется его жилище» (5,1%). Изменения, происходящие с жилищем, во многом связаны, на наш взгляд, с переносом рабочего пространства в пространство дома и увеличение количества часов, проводимых дома, а также с уменьшением разнообразия профессиональных и личных практик коммуникационных взаимодействий.

Из процентного распределения ответов видно, что первые позиции занимают стратегии человека в онлайн-пространстве. Стратегии — это ответы на вызовы онлайн-пространства. 41,0% отметили, что человек становится «более адаптивным к изменениям» и столько же респондентов в процентном соотношении обратили внимание на негативные изменения устной речи, языка и невербалики. Чуть меньше респондентов (35,9%) описали направление адаптивной стратегии — развитие, обучение и творчество. На наш взгляд, обращение к стратегиям — это признак того, что человек онлайн-пространства скорее технологичен, чем онтологичен и своими действиями решает главный вопрос: «как приспособиться к изменяющимся обстоятельствам и выжить в онлайн-пространстве?»

На вопрос «какие коммуникации вы считаете эффективными?» респонденты ответили следующим образом: они направлены на «достижение цели и результата» (53,8%); «четкий и быстрый обмен информацией» (20,5%). При осуществлении эффективных коммуникаций важно «видеть информацию и человека» (20,5%), «понимание эмоций и намерений» (15,4%), «умение слушать» (12,8%), «использование технических средств» (7,7%), «взаимопонимание и уважение» (5,1%) и «нахождение в ресурсном состоянии» (2,6%).

На последний вопрос, «какие коммуникации вы бы выбрали: онлайн или личные?» 92,3% ответили, что «личные» и 7,7%, соответственно, выбрали «коммуникации онлайн».

Таким образом, удалось в теоретической и практической плоскости исследовать изменения с коммуникациями, человеком, рисками и конфликтами в онлайн-пространстве. Основные выводы таковы: онлайн-пространство будет развиваться; это неизбежный процесс для нашего технологического общества; мы оказались вброшенными в онлайн-пространство в ситуации пандемии (ситуации высоких рисков, ситуации катастрофы); человеку пришлось существенно измениться самому, перестроить коммуникации, научиться выживать в высоких рисках и преодолевать многочисленные конфликты. Перед современным человеком стоит главный вопрос: «мы что же вот так все и отдадим на откуп онлайн-пространству?» Конструктивный ответ представляется следующим: важно критично, а порой и весьма критично отнестись к развитию онлайн-пространства со всеми присущими ему сильными и слабыми сторонами, возможностями и угрозами, которое оно несет. Необходимо провести рискологическую и конфликтологическую экспертизы и осуществить взвешенный выбор.

Библиографический список

1. Фролова С.М. Институционализация и рискогенность повседневной жизни общества. Саратов, 2013.
2. Ринген С. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблемы повиновения. М., 2016.
3. Руднев В. Новая модель реальности. М., 2016.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.
5. Минцберг Г. Действуй эффективно! Лучшая практика менеджмента. СПб., 2011.
6. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М., 2013.
7. Федорова А.В. Конфликтология. М., 2019.
8. Мамардашвили М.К. Гражданское общество // Сознание и цивилизация. СПб., 2014. С. 179–239.
9. Мамардашвили М.К. Жизнь шпиона // Сознание и цивилизация. СПб., 2014. С. 346–379.
10. Йенссон Б. Десять размышлений о времени. СПб., 2006.
11. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2017.
12. Эко У. Полный назад! «Горячие войны и популизм в СМИ». М., 2007.